

Литературное наследство

Выпуск 22–24

УДК 82-3
ББК 84
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 22–24 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 804 с.

ISBN 978-5-458-53191-7

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытья и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53191-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П. Я. ЧАДАЕВ

Портрет неизвестного художника, масло
Исторический Музей, Москва

хания, вплоть до почвы под ногами (*jusqu'au sol que vous devez fouler*). И это буквально. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит (*n'est ce point là la terre que vous porte?*). И сколько различных сторон, столько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели... Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по другому, он не опротивел самому себе?» (*Quel est l'homme, si fort, qui toujours en contradiction avec lui-même, toujours pensant d'une façon et agissant d'une autre, ne finisse par se dégouter de lui même?*).

Но Чаадаев не только возвышает голос против крепостнического рабства. Свой протест против крепостничества он направляет в первую очередь по адресу православной церкви. Политическое значение этих тирад Чаадаева несомненно. Вопреки утверждениям Гершензона, католицизм Чаадаева имеет не только мистическое и аскетическое основание, но также основание политическое. В католицизме Чаадаев ценит—в этом он, разумеется, ошибался—политическую систему, будто бы, несовместимую с рабством. Напротив, православие отталкивает его от себя прежде всего своей связью с той «почвой» рабства, которая сделала для Чаадаева столь мучительным хождение по российской земле. «Прочему, — спрашивает Чаадаев, — русский народ подвергся рабству лишь после того как он стал христианским (*Pourquoi... le peuple Russe ne tombe-t-il dans l'esclavage qu'après qu'il fut devenu chrétien?*)?.. Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой (*contre cette détestable usurpation d'une partie de la nation sur l'autre*)». Откуда у нас, — спрашивает Чаадаев, — это действие религии наоборот?—«Не знаю, — отвечает он сам себе, — но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся (*il me semble que cela seul pourrait faire douter de l'orthodoxie dont nous-nous parons*)».

Положения эти проливают новый свет на мировоззрение Чаадаева. Они доказывают, что в глазах Чаадаева католицизм был не только религиозным *credo* и не только философско-исторической концепцией, но также и определенной политической системой, привлекательной для Чаадаева в силу своей несовместимости — так ошибочно думал Чаадаев — с системой «насилия одной части народа над другой».

В свете новых текстов существенно иначе решается и вопрос об аскетизме чаадаевского учения. Мировоззрение Чаадаева, — писал Гершензон, — «аскетично по существу; оно предаёт проклятию все утехы жизни... оно требует беззаветного служения идее, суля в награду не довольство народное, не личное счастье, даже не личное спасение, этот загробный гедонизм, — а только сознание исполненного долга».

Характеристика эта, однако, далека от действительности. Своеобразная черта философского и исторического идеализма Чаадаева состоит как раз в том, что, сводя все интересы исторического развития общества и народов к интересу религиозному, Чаадаев самый этот религиозный интерес понимал отнюдь не в духе аскетической идеи. «Царство мысли, — писал он в шестом письме (известном Гершензону в качестве «второго»), — могло водвориться в мире не иначе, как путем сообщения самому элементу мысли всей его реальности» (*Il est clair que le règne de la pensée ne pouvait pas s'établir autrement dans le monde, qu'en donnant au principe même de la pensée toute sa réalité.*—П. Я. Чаадаев. «Сочинения и письма»).

Для Чаадаева в католичестве самое главное было—вовсе не созерцание, не аскетический идеал, но его социальное, историческое действие. «Начало католи-

чества,—писал Чаадаев А. И. Тургеневу,—есть начало деятельное, начало социальное прежде всего (*Le principe du catholicisme est un principe d'action, un principe social avant tout*). «Одно оно восприняло царство божие не только как идею, но еще и как факт...». Именно в этом пункте, как понимал сам Чаадаев, его учение отклонялось от обычной религии. «Как видите,—писал Чаадаев Тургеневу,—моя религия не совсем совпадает с религией теологов (*n'est pas précisément celle des théologiens*)... это религия вещей, а не религия форм (*c'est la religion des choses, et non pas celle des formes*). «В христианском мире,—писал Чаадаев в первом философическом письме,—все необходимо должно способствовать — и действительно способствует — установлению совершенного строя на земле... (*tout doit nécessairement concourir à l'établissement d'un ordre parfait sur la terre*)».

Только в свете этих мыслей может быть понято характерное для Чаадаева отрицание православия и предпочтение, отдаваемое им католичествому. Православие,—утверждал Чаадаев,—не было собственно социальное развитие: то был интимный факт... нечто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мере политического роста страны (*c'était un fait intime, une chose... qui devait nécessairement s'effacer à mesure que le pays grandissait politiquement*). «У нас идет сейчас речь,—разъяснял он Сиркуру,—только о нашем социальном развитии (*il ne s'agit ici que de notre développement social*), и вы согласитесь, что западный религиозный строй гораздо более благоприятствовал такого рода развитию, нежели тот, который выпал на нашу долю».

Рассыпанные в различных местах, известных по предыдущим публикациям писем Чаадаева, эти мысли выступают с гораздо большей отчетливостью во вновь найденном — втором — письме. Одной из отрицательнейших черт всего исторического развития России Чаадаев признает пренебрежение к жизненным благам, к материальной основе духовной деятельности и духовных наслаждений. «Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации,—читаем во втором письме,—заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни (*C'est un des traits les plus frappants de notre singulière civilisation que la négligence des commodités et des agréments de la vie*). «В этом безразличии к жизненным благам, которое иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное (*Il y a un véritable cynisme dans cette indifférence pour les douceurs de la vie, dont quelques uns, de nous se font un mérite*)».

Прямым опровержением утверждений Гершензона об аскетизме Чаадаева, звучат поучения второго письма, в которых Чаадаев доказывает своему условному адресату недопустимость пренебрежения этой стороной жизни. При этом Чаадаев ссылается не только на историю античной культуры, но — что всего удивительнее — на историю культуры христианской. «Святые мужи,—пишет он,—не думали, что они унижают свое достоинство, отдаваясь заботам о... предметах, наполняющих значительную часть жизни». «Речь идет,—поясняет он ниже,—лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали (*n'a rien de commun avec la rigueur triste de la moral ascétique*)... Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни: оно даже их требует (*elle les exige même*)».

Вообще Гершензон совершенно не понял социально-исторической мотивировки чаадаевского мистицизма, его философско-исторической и политической тенденции. Вопреки предположениям и догадкам Гершензона, во вновь найденных письмах Чаадаева трактуются не столько вопросы «о загробной жизни», о благодати, грехе и искуплении», сколько философские и философско-исторические — о параллелизме материального и духовного миров, о закономерности мирового развития и о средствах познания этой закономерности, о необходимости, о свободе и о возможности совмещения свободы с необходимостью, о подчинении культурной традиции и об индивидуальном почтении.

о пространстве и времени как условиях опытного познания, о границах эмпиризма и т. д.

Во всех этих вопросах мысль Чаадаева обращается не столько к авторитетам католической философии — к Бональду, Балланшу — сколько к учениям подлинных философов: к Бэкону, Спинозе, Ньютону, Лейбницу, к шотландской школе, к Канту, Фихте, Шеллингу.

Уже из сказанного видно, что публикация новых чаадаевских писем станет крупным событием для истории русской литературы и философии, вызовет ряд исследований, потребует пересмотра существующих концепций. Не предвзято результатов этих будущих исследований — довольно сложных в виду наличия ряда противоречий в системе мыслей самого Чаадаева, — можно уже наперед сказать, что в итоге этих будущих работ концепция Гершензона, боровшегося против созданной Герценом «чаадаевской легенды», сама окажется в значительной части, «гершензонской легендой». Советская общественность будет с нетерпением ждать этих исследований.

В. Асмус

П. Я. ЧААДАЕВ — АВТОР «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЕМ»

1

Литературное наследство Чаадаева до сих пор не приведено в известность во всем своем объеме. Двухтомное собрание его сочинений и писем, вышедшее в 1913—1914 гг. под редакцией М. О. Гершензона, охватывает не больше половины всего написанного Чаадаевым.

Уже в 1918 г. Н. В. Голицын опубликовал в «Вестнике Европы» ряд новых чаадаевских текстов, извлеченных им из свербеевского архива. Несколько новых публикаций было сделано, в различных изданиях, пишущим эти строки. Тем не менее, многие материалы до сих пор ждут еще своего опубликования.

Конечно, важнее всего восстановить полностью самое значительное из произведений Чаадаева: его «Философические письма». При жизни Чаадаева в печати появилось, притом в переводе и с значительными купюрами, только одно вступительное письмо, датированное 1 декабря 1829 г. и напечатанное в «Телескопе» в октябре 1836 г.¹

Французский текст первого письма, без всяких выкидок, но с несколькими частными ошибками, напечатан был затем Гагариным в 1860 г. во французском журнале «Correspondant», войдя как часть в статью его «Tendances catholiques dans la société russe». В этом же году статья эта вышла отдельной брошюрой, в двух отдельных изданиях — в Париже и Лейпциге. В следующем 1861 г. перепечатал текст первого письма из «Телескопа» в шестой книге «Полярной Звезды» Герцен, без упоминания о публикации Гагарина.

Сам Гагарин в 1862 г. издал в Париже «Избранные сочинения Чаадаева»² (по-французски, в количестве 14 названий; сюда вошло и одно письмо Пушкина к Чаадаеву). Во главе этого собрания, после первого «Философического письма» помещены еще два другие и еще одно письмо, названное Гагариным четвертым философическим, но к этой серии не принадлежащее.

Сообщение о выходе «Избранных сочинений Чаадаева» было помещено М. Н. Лонгиновым в «Русском Архиве» 1863 г. и экземпляры книги попадали в Россию в довольно большом числе³. Вообще же в России перепечатка «Философических писем» не допускалась. Только в 1871 г. в помещенной в «Вестнике Европы» статье под заглавием «Проявления скептицизма. Чаадаев» (из «Характеристик литературных мнений с двадцатых до пятидесятых годов») А. Н. Пылин дал изложение, по большей части словами самого автора, содержания опубликованных Гагариным писем. Полный текст их продолжал оставаться под запретом. В 1901 г. В. Я. Богучарский пытался дать полный перевод писем в своей книге «Три западника сороковых годов (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен)», но книга была сожжена цензурой. И только после 1905 г. М. О. Гершензону

Министерство
Народнаго Просвѣщенія
Канцелярія

20 Октября 1876 года

Министерство Народнаго Просвѣщенія
Канцелярія
Въ Цѣль
Министерство Народнаго Просвѣщенія
Канцелярія
Въ Цѣль

Министръ Народнаго Просвѣщенія *Сергей Уваровъ*

Директоръ *А. С. Уваровъ*

Канцелярск. *Сергей* /

Господиному Попечителю С
Петербургскаго Ученнаго Общества.

1876 15го ноября гурнала.
Месенхорт, помещена статья
Философическое письмо. Я по
корреспонденции прошу Ваше Свѣдѣн-
ство предостовѣть Ценсурному
С. Петербургскаго Ценсурнаго Ко-
митета не позволять и другимъ
периодическимъ изданіямъ ничего
отговаривающаго и сомнѣющаго,
ли въ опроверженіи, ли въ по-
длинѣ ея.

ПРЕДПИСАНИЕ С. С. УВАРОВА О ЗАПРЕЩЕНИИ В ПЕЧАТИ КАКИХ-ЛИБО ОТКЛИКОВ
НА «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» П. Я. ЧААДАЕВА, НАПЕЧАТАННОЕ В «ТЕЛЕСКОПЕ»
Институт Русской Литературы, Ленинград

удалось напечатать полный перевод писем в редакции Гагарина в «Вопросах философии и психологии» (1906, кн. 92 и 94). Затем в двух других переводах письма появились в издании проф. Ивановского в Казани (перевод Б. П. Денике) в том же 1906 г. и (в анонимном переводе) в издании «Русской Жизни» в Москве в 1908 г. Кроме того сам Гершензон перепечатал свой перевод в своей известной биографии Чаадаева, вышедшей в 1907 г.⁴

Наконец, как французский текст Гагарина, так и русский перевод Гершензона (с некоторыми поправками против текста «Вопросов философии и психологии») вошли в состав «Сочинений и писем Чаадаева»⁵.

Все эти четыре издания знают только два источника при установлении текста «Философических писем» — русский перевод первого из них в «Телескопе» и книгу Гагарина. Впрочем Гершензон сообщает несколько разночтений, содержащиеся в одном описке «Первого письма», находящемся в архиве братьев Тургеневых под № 2687 (СП, т. I, стр. 368). Вариант письма, названного у Гагарина 4-м, перепечатанный Гершензоном из «Телескопа» 1832 г. во II томе «Сочинений и писем», не идет в счет, так как все это якобы 4-е письмо (О эодчестве), как увидим далее, совсем сюда не относится.

Все четыре редактора при этом без всякой критики относятся к тексту писем. Правда, в выборе вариантов они были весьма ограничены, но небрежность в этом отношении доходит до того, что вместо перевода гагаринского текста первого письма, гораздо более полного, прямо берут русский текст «Телескопа». Кроме того, для контроля за отношением Гагарина к приемам издания легко было использовать другую, предварительную публикацию первого письма (см. выше). Как указал в своей французской книге о Чаадаеве Шарль Кенэ⁶, между текстами «Tendances» и «Oeuvres choisies» имеется до 14 разночтений, Впрочем, к счастью, внешнего порядка: никакой тенденциозной переработки издатель в данном случае не допустил. Тщательное сравнение текста «Телескопа» с гагаринским было бы в свою очередь чрезвычайно поучительно и кроме того помогло бы Гершензону исправить кое-какие ошибки своего французского текста.

Основной недостаток опубликованных текстов заключался, однако, еще в другом.

Не только из содержания их, но и из явных указаний самого автора, обнаруживалось с полной несомненностью, что мы имеем перед собой лишь какие-то обрывки целого. Гагарин печатает четыре письма, называя их по порядку первым, вторым, третьим и четвертым. Но второе же письмо начинается у него словами: «В предыдущих моих письмах вы видели...» Следовательно, письмо это у Чаадаева никак не могло быть вторым. Перечисление содержащихся в этих предыдущих письмах предметов, указанное далее во втором, якобы, письме, со своей стороны ясно говорит, что ссылка никак не могла относиться к первому письму, в котором не было речи о перечисляемом. Эта несообразность, конечно, не могла остаться незамеченной уже и Гагариным. Он и оговаривается, что здесь несомненно имеется пропуск одного или нескольких писем.

Из опубликованных М. К. Лемке, сначала в «Мире Божьем» (1905 г.), а потом в книге «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», данных (показание Надеждина после разгрома «Телескопа») обнаружилось, что в начале помеченного «вторым» у Гагарина письма Чаадаев имеет в виду письма «третье» и «четвертое», которые Надеждиным первоначально и предназначались к напечатанию в журнале. Из того же сообщения можно было отчасти судить и о самом содержании третьего и четвертого писем. Гершензон естественно направил все усилия на восстановление обнаружившегося пробела. В итоге он пришел к заключению, будто в обнаруженных им «Отрывках» и заключаются части утраченных писем. Высказывая это мнение в примечаниях к I тому (стр. 379, см. также «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление», стр. 91), он с недоверием относится к словам М. И. Жихарева, который принимал «Отрывки» за самостоятельные афоризмы.

Справедливо отмечая не всегда правильное отношение Жихарева к находящимся у него в руках текстам, Гершензон в этом вопросе оказался неправым: отрывки и афоризмы были обычным литературным жанром эпохи, ими наполнены чуть не целые тома и у Шеллинга, и у Ламенэ, и у Новалиса, и у Бональда, не говоря о более ранних писателях. У Чаадаева их очень много, и они составят особый отдел в готовящемся в настоящее время издании его сочинений. Точно так же сюда не относится и то письмо «о свободе церковной и о догмате filioque», на которое Гершензон отыскал в чаадаевских бумагах Ленинской Библиотеки ответ неизвестного автора, напечатанный затем в примечаниях I тома СП (стр. 373—377). Чаадаевское письмо или вернее два письма, относящиеся к этим вопросам и вызвавшие возражение неизвестного, написаны в 1848 и 1850 гг., в действительности обращены к кн. Долгоруковой, жене известного по делу о декабристах И. А. Долгорукова, и формального отношения к «Философическим письмам» не имеют.

Тщетно разыскивал пропавшие письма и Лемке. Ему удалось получить в свои руки основное дело о «Телескопе» в архиве III Отделения. («О запрещении журнала «Телескоп», об издателе оного Надеждине, о литераторах Чаадаеве и Белинском и о цензоре Болдыреве»), в нем он естественно искал невозвращенные Чаадаеву бумаги из числа у него отобранных. Лемке заявляет категорически: «в архиве III Отделения их нет»⁷.

Таким образом ясно было одно: мы имеем перед собой лишь обрывки труда Чаадаева; как выразился Гершензон в своей биографии Чаадаева: «учение его дошло до нас так сказать обезглавленным...» (стр. 71).

В настоящее время положение дела коренным образом изменяется. Все недостающие «Письма» оказываются целыми и предлагаются вниманию читателей. О мировоззрении Чаадаева в данный период его жизни мы можем получить совершенно определенное представление. Вся серия, очевидно отобранная при обыске у Чаадаева, находится в Институте Русской Литературы Академии Наук; она состоит из восьми писем, составляющих одно целое, при чем для того письма об архитектуре, которое Гагарин поместил под названием четвертого, совсем здесь не находится места. На основании других рукописей мы знаем, что оно возглавляло собою как раз ту коллекцию отрывков, некоторые из которых и были вслед за ним напечатаны во II книжке «Телескопа» 1832 г.

Все восемь философических писем занумерованы самим Чаадаевым, при чем нумерация Гагарина, разумеется, оказывается совершенно неправильной; все восемь французских писем имеют на себе те или другие следы руки Чаадаева, четыре письма: 3-е, 4-е, 5-е и 8-е писаны целиком его рукой, письмо первое — в хорошей копии, письма 6-е и 7-е — в совершенно приготовленной к печати для отдельного издания и представленной в ноябре 1832 г. в цензуру копии, с многочисленными затем поправками рукой Чаадаева; одно только 2-е письмо имеется в довольно безграмотной и плохо написанной копии, с авторскими исправлениями лишь на первых ее листах, а главное — без начала письма. К счастью, начало это нашлось среди бумаг, предоставленных М. И. Жихаревым в 1871 г. редакции журнала «Вестник Европы», при чем последние слова жихаревской копии соответствуют первым словам неполной рукописи, так что текст и этого второго по счету письма (как это видно из приложенных снимков) имеется в полном виде. Притом сравнительная неграмотность его все же не доходит до искажения смысла оригинала и все его неисправности могут быть вполне устранены. При сравнении этого полного авторского экземпляра с напечатанным у Гагарина текстом оказывается, что первое письмо его соответствует первому гагаринскому с незначительными отличиями в отдельных словах, 2-е, 3-е, 4-е и 5-е — совершенно новые, 6-е и 7-е соответствуют гагаринским 2-му и 3-му, однако же в отличающейся довольно значительно редакции, 8-е — опять совершенно новое; гагаринскому 4-му не находится, как выше уже указывалось, никакого места и оно здесь для этой серии писем совершенно лишнее.

Кроме этих французских текстов, в новом собрании имеются и два письма в русских переводах: 3-е — в виде корректурного экземпляра (в сверстанном, готовом к печати виде) из предположенного к изданию очередного номера «Телескопа», а 4-е — в рукописной копии.

Все восемь писем естественно следуют одно за другим со ссылками друг на друга. Вновь найденные письма касаются вопросов общепhilософских, в отличие от помещенных у Гагарина, которые посвящены вопросам философии истории; но вместе с тем нельзя сказать, как это предполагал Гершензон, что имеются два отдельных цикла писем — религиозно-philософский и историко-philософский (см. СП, т. I, стр. 371); мы имеем скорее строго сцепленные звенья одного ряда, распадающегося по своему содержанию на два отдела. Недостававшие до сих пор письма касаются общепhilософских вопросов. С их опубликованием все споры и недоумения по поводу состава «Писем» окончательно разрешаются и весь существовавший до сих пор пробел целиком восполнен.

В этом важном авторском экземпляре социально-philософского и исторического трактата Чаадаева нет никакого указания на его общее заглавие. До сих пор не было известно, когда и от кого трактат получил название «Философические письма», с прибавлением к нему в «Телескопе» еще слов «К г-же ***». В нашем распоряжении находится до сих пор совершенно неизвестное письмо Чаадаева к Петру Андреевичу Вяземскому, которое разрешает и этот вопрос и вообще имеет большое значение для понимания работы Чаадаева над «Письмами». Письмо, написанное по-французски, нашлось в архиве П. И. Бартенева; оно имеет неполную дату: Москва, 9 марта и относится, вероятно, к 1835 г. Писано оно на такой же бумаге, что и написанные рукою самого Чаадаева письма 3-е, 4-е, 5-е и 8-е. Приблизительно так, как в своем письме к Пушкину от 18 сентября 1831 г., Чаадаев высказывает здесь свой взгляд на сочинение, но с новыми важными подробностями. Все сочинение целиком он намерен опубликовать за границей, считая, что у нас оно не может увидеть света. При этом он говорит: «Точка зрения, с которой я рассматриваю свой предмет, мне кажется оригинальной, и на мой взгляд она способна внести некоторую ясность в мир философский, а пожалуй, и в мир социальный, так как оба эти мира, в наше время, если только я грубо не ошибаюсь, составляют один общий мир». Он хотел бы напечатать в России некоторые отдельные места сочинения, предпочитая частичную публикацию без искажений полной с неизбежными цензурными искажениями. Он и просит позондировать на этот счет почву в Петербурге. Опубликовать хотя бы частично свое сочинение в России он хочет главным образом потому, что он, как и в известных своих письмах к А. И. Тургеневу, считает, что именно русскому уму особенно доступна беспристрастная и верная оценка общего положения дел, и факт опубликования писем в России выявил бы эту его точку зрения. И в заключение он говорит: «Заглавие моей книги было бы такое: «Философические письма, адресованные даме», «Lettres philosophiques, adressées à une dame».

2

Первое письмо определенно говорит о непосредственной причине, заставившей нашего автора изложить свои мысли: соседка по имению, вовлеченная в занятия по религии и философии беседами с попавшим в глушь выдающимся человеком, погруженным в мучительные думы о судьбе родины и ищущим выхода из окружающей тьмы в духовном перерождении его соотечественников, обратилась к нему с письмом, вскрывающим смуту ее души, порожденную возникшими в ней новыми запросами. Корреспондентка Чаадаева не авторская фикция, а живая личность. Одно из ее писем, ответом на которое служит первое письмо Чаадаева, напечатано было еще Гершензоном. Как известно, оно написано Екатериной Дмитриевной Пановой, сестрой известного писателя по истории музыки, члена общества «Зеленой Лампы» и вероятно автора нескольких замечательных докладов в нем, напечатанных Б. Л. Модзалевским в первом выпуске сборника

Apologetik

C r i t i k

damitische

reinen Vernunft

von

S m m a n u e l K a n t,

Professor in Königsberg, der Königl. Academie der Wissenschaften
in Berlin Mitglied.

Sechste Auflage.

R e i p z i g,

bei Johann Friedrich Hartnoch.

1 8 1 8.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ

П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО ПОМЕТАМИ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

«Декабристы и их время». Гершензон в своей биографии Чаадаева особенно настаивает на таком характере частного письма, отличающем первое из серии их. В том же архиве, в котором он нашел опубликованное им письмо, среди принадлежащих Чаадаеву бумаг, пожертвованных М. И. Жихаревым в Румянцевский Музей и находящихся и поныне в рукописном отделении Ленинской Библиотеки, имеется еще два других письма Пановой; затем одно письмо ее находилось и среди отобранных у Чаадаева при обыске 1836 г. бумаг. Однако все содержание первого письма Чаадаева и вся дальнейшая история его говорят ясно, что оно писалось отнюдь не как личный ответ отдельному человеку, что вызвавшее приступ к работе письмо служило только внешним толчком и представляло удобную рамку для воплощения дум и чувств автора. Он сам упоминает в другом месте, что для выявления своей мысли ему нужен живой собеседник и что наиболее сильное выражение мысли получается при ясном представлении о конкретном слушателе, к которому обращена речь. Да и сам Гершензон относит свое замечание лишь к первому письму, признавая за известными ему следующими письмами значение настоящих статей. Во всяком случае истинную причину, сделавшую Чаадаева писателем, надо искать в чем-то другом.

Достаточно всмотреться в личность Чаадаева в период его блестящей служебной карьеры до 1820 г., хорошо отразившуюся в его письмах этого года, а может быть еще лучше в пронизательных и исчерпывающих характеристиках Пушкина, чтобы понять всю глубину перелома, переродившего гусарского офицера эпохи развития декабризма, которого Пушкин определил словами:

Всегда мудрец, а иногда мечтатель

И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель

— в автора «Философических писем».

Гершензон приписывает этот кризис влиянию мрачного мистика Юнга Штиллинга, к которому Чаадаева якобы привел «страх смерти или, точнее, загробного возмездия» (см. «Чаадаев. Жизнь и мышление», стр. 25—50).

Однако, и сам Гершензон принужден определить его настроение после кризиса как мистицизм «совсем особого рода», при чем на этот раз «идея личного спасения — эта основная идея практического мистицизма всех веков — совершенно чужда Чаадаеву», так что «перед нами теория социального мистицизма» (назв. соч., стр. 92 и 93).

Все противоречие между двумя Чаадаевыми, рисуемыми Гершензоном, объясняется прежде всего тем, что он приписал Чаадаеву мистический дневник, веденный в 1824 и 1825 гг. известным другом самого Чаадаева, а также Якушкина, — Д. А. Облеуховым. Доводы, приведенные в доказательство допущенной Гершензоном странной ошибки, в моей статье «Якушкин и Чаадаев» в сборнике «Декабристы и их время» (вып. II), кажутся мне и сейчас вполне убедительными.

К тому же сам Чаадаев оставил вполне достаточное указание на время и обстановку своего «обращения». В начале седьмого (по счету Гагарина и Гершензона — третьего) философического письма он говорит о моменте, «когда его озарило понятие об истине», и относит его ко времени после приезда в Италию весной 1825 г., т. е. много позднее воображаемого подчинения теориям Юнга Штиллинга, и тогда, когда датированный подробно дневник уже был написан. Чаадаев к своим словам об озарении истиной прибавляет, что он после этого «не противился ни одному из выводов, которые из него вытекали, но принял их все тотчас же без уверток...». Решающую роль в идейной эволюции Чаадаева сыграли, конечно, не влияние Юнга Штиллинга, а политические сдвиги первой половины 20-х годов: торжество реакции на Западе, ход освободительного движения в России, завершающегося восстанием 14 декабря. Все эти события с предельной остротой выдвигали перед Чаадаевым проблемы философии истории, вставляли его настойчиво размышлять над формообразующими началами исторического процесса.